

конечном счете оценивая Августа, историк хотел показать: сенаторы готовы судить о правителе не по отдельным эксцессам, будь то проскрипции второго триумvirата или расправа с Гетой и его приверженцами, а по общим итогам его правления. При этом Дион не забыл вложить в уста Мецената пожелания, призванные обеспечить respectable и безопасное положение сената в рамках режима, очевидно, «подсказывая» императору путь к согласию с patres.

В седьмой главе (с. 452–480) Хозе останавливается на трудах историков II–III вв., от которых сохранились лишь фрагменты или вообще только упоминания об их авторах. Среди них были и ревнители староримских традиций, отрицавшие сближение с провинциями (Граний Лициниан), и эллинистские антиквары, сосредоточивавшие свое внимание на истории классической Греции и иногда Востока (Кефалион, Ясон Аргосский), и авторы универсальных трудов (Клавдий Харакс, Флегон из Тралл, Хрисер).

В заключении (с. 481–486) Хозе подводит итоги своего исследования. Причины «смены парадигм» в историографии во II–III вв. он видит в изменении ситуации внутри империи. С I в. началось втягивание провинциальной элиты в управление, а ее не устраивали традиционные концепции римской истории в духе Ливия. Со времени «траяновского поворота» (trajanische Wende) у нее появилась возможность переосмысления прошлого. Примером такого переосмысления для латинского Запада стал труд Флора, а для греческого Востока – сочинения Аппиана, Клавдия Харакса и Хрисера. Между ними, конечно, есть различия – сочинение Флора выдержано в духе римской имперской идеи, в нем присутствуют выпады в адрес Востока и его глетворного влияния на Рим, чего нет в трудах названных эллинистских историков, проводящих идею гармонии между Римом и различными частями империи. Доказательством успеха усилий по интеграции, которые поддерживала и историография, Хозе считает труд Диона Кассия, считавшего себя одновременно и римлянином и вифинцем и не прибегавшего к антитезе «эллыны – римляне». После него в условиях разразившегося кризиса III в. сочинения по римской истории ab Urbe condita (за исключением Азиния Квадрата) более не создавались. «Можно удивляться тому, что несмотря на политическую нестабильность... – пишет Хозе, – империя не потерпела ущерба. То, что центробежные тенденции в эту эпоху не имели большого значения (? – А.К.), подчеркивает успешность интеграции в империю некогда поверженных и превращенных в провинции областей. Не было ли это также и заслугой историографии II в., которая добилась примирения населения провинций с историей империи, т.е. результатом историографического обновления прошлого?» (с. 486).

В книге Мартина Хозе нет принципиально новых «глобальных» концепций, оригинальные суждения автора касаются преимущественно конкретных вопросов. Но его монография ценна не только многочисленными интересными соображениями и наблюдениями. Она прекрасно отражает современное состояние проблемы в целом. Однако самое главное состоит в том, что Хозе не ограничился дискретными исследованиями сочинений того или иного автора, а дал широкую панораму греко-римской историографии II–III вв., проанализировав творчество историков того периода в их тесной взаимосвязи. Поэтому рецензируемая книга, несомненно, будет весьма полезной для всех тех, кому приходится сталкиваться в своих изысканиях с трудами *regum scriptorum* II–III вв.

*А.В. Короленков*

*F. MERCOGLIANO. «TITULI EX CORPORE ULPIANI». Storia di un testo. Napoli: Jovene Editore, 1997. XII + 121p. (Pubblicazioni della Facoltà di Giurisprudenza dell'Università di Camerino. № 44)*

Небольшая по объему книга неаполитанского романиста Феличе Меркольяно посвящена так называемым «Фрагментам» Ульпиана<sup>1</sup>, которые принадлежат к не слишком многочисленной группе сочинений римских юристов, дошедших до нас не в составе Юстинианова

<sup>1</sup> Их перевод на русский язык был выполнен Е.М. Штаерман и впервые опубликован в «Приложении» ВДИ (1971. № 2. С. 184–209), а недавно переиздан в выпускаемой Центром изучения римского права серии «Памятники римского права» (*Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну. Домиций Ульпиан. Фрагменты.* М., 1998).

свода, а отдельно от него. Этим объясняется важность монографического исследования истории этого текста. Прежде всего, заслуживают упоминания основные факты долгой и непростой истории рукописи, приводимые в первой главе «Тайна одного текста: Codex Vaticanus Reginae 1128» (с. 3–10).

Впервые этот памятник попал в орбиту историко-правовых штудий в середине XVI в. во Франции, переживавшей тогда на фоне кровавых религиозных войн период оживления культурной жизни под воздействием идей гуманизма. Editio princeps 1549 г. подготовил епископ Жан дю Тийе (Тиллий), но подлинным вдохновителем издания был один из зачинателей историко-правовых исследований Эмар де Ранконнэ. Так был впервые опубликован текст, содержащийся в манускрипте X в., обозначаемом ныне как Codex Vaticanus Reginae 1128. Этот кодекс включает в себя 271 лист (folia), на которых сначала воспроизводится Lex Romana Visigothorum (Бревиарий Алариха), затем (f. 190 verso) следует заголовок «Incip(iunt) tituli ex corpore Ulpiani» и 29 параграфов данного сочинения. После того, как Tituli внезапно обрываются (f. 203 verso), идут Notae iuris (Vaticanae) и германские законы (practus legis Salicae, leges Burgundionum, Ripuarica, Salica, Alamannorum)<sup>2</sup>.

Впоследствии Tituli не раз переиздавались, в том числе и Кюжасом (Куяцием), и вскоре этот памятник стали озаглавливать Liber singularis regularum, используя название сочинения Ульпиана, приведенное в Index Florentinus<sup>3</sup>. Это произошло после того, как в 1573 г. в Париже было отпечатано первое издание Collatio legum Mosaicarum et Romanarum, а среди отрывков, включенных в это собрание, три содержали в качестве ссылки (inscriptio) указания именно на «Книгу правил» Ульпиана, причем два из них перекликались с содержанием Tituli. Сам же кодекс впоследствии оказался в книжном собрании шведской королевы Кристины (1626–1689), которая в 1650 г. приобрела его у наследников Петавиуса, собравшего богатейшую библиотеку и, вероятно, как-то связанного с окружением Кюжаса. Когда же королева, переселившаяся после отречения в Рим, умерла, вся ее библиотека в конце концов была приобретена кардиналом Пьетро Оттобони, взошедшим в 1689 г. на папский престол под именем Александра VIII, а интересующий нас так называемый «галльский кодекс» X века обрел свое постоянное место в Ватиканской библиотеке, где хранится и по сей день под уже приведенным обозначением Codex Vaticanus Reginae 1128.

Интерес к ватиканской рукописи вновь вспыхнул в начале XIX в., в пору расцвета германской исторической школы права, заново «открывшей» фрагменты Ульпиана. Посвятивший им в 1813 г. специальную статью Ф.К. фон Савиньи считал, что в кодексе содержится отрывок из «Книги правил» Ульпиана<sup>4</sup>. Этот текст активно изучался как оригинальный памятник римской юриспруденции, тем более, что он был практически единственным источником такого рода до тех пор, пока в 1816 г. Нибуром не был открыт веронский палимпсест с текстом «Институций» Гая. В течение XIX в. Tituli издавались не один раз. Особое место принадлежит основополагающему изданию Бёкинга (1855), снабженному развернутой статьей Моммзена и таблицами с параллельными местами из «Институций» Гая, открытие которых вообще заметно повлияло на изучение Tituli. В краткой рецензии нет никакой необходимости перечислять последующие издания, которыми пользуются и по сей день. Меркольно особо выделяет среди них издание Ф. Шульца<sup>5</sup>, с одной стороны, в силу оригинальности подхода, нацеленного на то, чтобы отстоять для Tituli надлежащее место рядом, а не на порядок ниже «Институций» Гая, с другой стороны, в связи с влиянием, оказанным идеями Шульца на все последующее изучение данного текста в историко-правовой науке.

Вторая глава книги (с. 13–35) называется «Пути и варианты историографии». Содержа-

<sup>2</sup> Исследованию имевших хождение в Галлии кодексов, содержавших западные юридические источники доюстиниановского периода, изучению содержания, состава и сменявших друг друга владельцев этих рукописей, заново открытых гуманистами XVI в. во Франции, много сил отдал Э. Вольтерра (его богатейшая библиотека хранится ныне во Французской школе в Риме, в палаццо Фарнезе). Как горько заметил Меркольно, свою разгадку тайны Tituli Э. Вольтерра унес с собой в могилу, так и не опубликовав обещанную им обобщающую работу, посвященную этому тексту и – шире – истории ватиканского кодекса (с. 10, прим. 36).

<sup>3</sup> Речь идет о сохранившемся во Флорентийской рукописи Дигест перечне всех произведений, использованных компиляторами при их составлении.

<sup>4</sup> В результате исследований Савиньи и Г. Гуго был установлен не подлежащий более сомнению факт, что французские первоиздатели в XVI в. пользовались именно рукописью, содержащейся в Codex Vaticanus Reginae 1128.

<sup>5</sup> Die Epitome Ulpiani des Codex Vaticanus Reginae 1128 / Hrsg. von F. Schulz. Bonn, 1926.

щемуся в ватиканской рукописи сочинению с течением времени давались самые разные заголовки (*Tituli ex corpore Ulpiani, Liber singularis regularum, Regulae, Epitome Ulpiani, Fragmenta Ulpiani*), из которых Меркольно точно за немением лучшего выбирает первый, признавая, что хотя он наверняка и не вполне точен, зато минимизирует риск какой-либо предвзятости. Начало современным дискуссиям положил Т. Моммзен, в упомянутой статье 1855 г. подвергший сомнению отождествление ватиканской рукописи с «Книгой правил» Ульпиана: он считал это сочинение не более, чем кратким пересказом *Liber singularis regularum*, выполненным каким-то эпиноматом вскоре после того, как Константин в 320 г. отменил нормы законодательства Августа об ограничении прав неженатых и бездетных при получении наследства (СTh. 8. 16. 1 = С. 8. 57. 1). Заголовок в рукописи (*Tituli*) был дан переписчиком, копировавшим текст следом за *Lex Romana Visigothorum*, и относился к перечню рубрик, призванному служить кратким оглавлением к этому сочинению. Мнение Моммзена оказалось настолько авторитетным, что интерес романистов к *Tituli* несколько угас и пробудился вновь после 1921 г., когда В. Аранджо-Руис опубликовал в «*Bullettino dell'Istituto di diritto romano*» (далее – *BIDR*) статью, в которой отрицал сам факт существования когда-либо «Книги правил» Ульпиана и сформулировал идею о том, что текст ватиканской рукописи ведет свое происхождение от гипотетического второго издания «Институций» Гая, дополненного материалом по темам, изложенным в *Tituli*, но обоим молчанием в известном нам тексте «Институций», – о манумиссиях, опеке, завещаниях, легатах и *bonorum possessio*, а также о приданом и *leges caducariae*. Это второе издание будто бы использовалось впоследствии компиляторами при составлении «Институций» Юстиниана, но не было учтено в эпитоме Гая, содержащейся в *Lex Romana Visigothorum*. Таким образом *Tituli* утрачивали всякую самостоятельную научную ценность и превращались просто в источник изучения «Институций» Гая. «Вдохновенную» полетом фантазии гипотезу Аранджо-Руиса опровергал Э. Альбертарио, который в своей статье (*BIDR*, 1922) настаивал на том, что *Tituli* все же в конечном счете восходят к Ульпиану, замечая при этом, что полностью отождествлять их с «Книгой правил» нельзя, так как совпадения между ними лишь частичные. Скорее всего речь идет об эпитоме постклассического периода, содержащей в себе выдержки из различных элементарных сочинений<sup>6</sup> Ульпиана, среди которых наверняка была «Книга правил», но также и «Правила» в семи книгах и «Институции». Именно на извлечение материала из всего корпуса сочинений Ульпиана и должны были указывать слова «*ex corpore Ulpiani*» в рукописном заголовке. Подход Альбертарио, уделявшего особое внимание определению глоссем и интерполяций в дошедшем до нас тексте, также в известной степени лишал *Tituli* собственного значения, превращая их на этот раз в подспорье для изучения Дигест, а именно для различения в них доюстиниановских и юстиниановских глоссем и интерполяций (с. 19).

Именно в эти годы господства интерполяционистской критики за решение вопроса взялся Ф. Шульц. В предисловии к своему изданию текста он провозгласил, что данная эпитома – не сборник извлечений из одного либо нескольких произведений классической эпохи римской юриспруденции, но постклассическая переработка (т.е. главным образом сокращенное изложение) классических текстов<sup>7</sup>. При этом фрагменты не только из произведений, созданных Ульпианом («Правил» в семи книгах и «Институций» в двух) или приписывавшихся ему в поздней античности (*Liber singularis regularum*), но и из элементарных сочинений других авторов – «Институций» Гая и «Пандект» Модестина – оказались переплавлены в некое промежуточное текст (*Zwischenquelle*), авторство которого было приписано Ульпиану. С сокращенным изложением именно этого текста, выполненным постклассическим эпиноматом, мы и имеем дело сегодня<sup>7</sup>. Здесь Меркольно отмечает (с. 22), что, дав заголовок *Liber singularis regularum* еще и гипотетическому промежуточному источнику, Шульц лишь умножает число неизвестных и попадает в логическую апорию: позже, вернувшись к вопросу в своей «Истории», он так и заявит, что невозможно определить, происходят ли фрагменты, приведенные в Дигестах и *Collatio*, из эпитомы или из псевдоульпиановской «Книги правил»<sup>8</sup>. Гипотеза Шульца произвела впечатление, ее сразу поддержали (в своих рецензиях) О. Ленель и В. Кунгель, ее придерживаются до сих пор многие романисты. В целом работа Шульца представляется сегодня не

<sup>6</sup> Под элементарными сочинениями имеются в виду учебные руководства, предназначенные для начинающих.

<sup>7</sup> Die *Epitome Ulpiani*... S. 11. Меркольно отмечает, что название, данное нашему тексту Шульцем – *Epitome Ulpiani*, получило широкое хождение, особенно среди немецких романистов (с. 21).

<sup>8</sup> Schulz F. *History of Roman Legal Science*. Oxf., 1953. P. 181.

только критическим изданием юридического источника, но и исследованием, расширившим поле поиска интерполяций до пределов всего периода поздней античности, не ограниченных строго эпохой Юстиниана. Весьма интересно предположение Мерколяно о том, что саму идею об *Epitome Ulpiani*, в высшей степени интерполяционистскую по духу, Шульцу, возможно, навеяло знакомство с вышедшей в 1922 г. в Неаполе книгой итальянского филолога Гальди, посвященной жанру эпитомы в латинской литературе (с. 24). Правда, замечает Мерколяно, Шульц не стал считать с возможностью того, что Ульпиан сам мог выступить эпитоматором – например, написав краткое изложение семи книг своих же «Правил». В эпоху охоты за интерполяциями немецкий романист предпочел типичный позднеантичный сценарий – эпитому в стиле Вегеция и Евтропия, собиравших мозаику из отрывков разных авторов.

В середине 50-х годов оригинальный вклад в разработку темы, по мнению автора, внес Э. Шенбауэр. Приводя разнообразные аргументы в пользу того, что в основе *Tituli* все же лежит не эпитома постклассической эпохи, а какой-то текст, созданный в период Северов, он, в частности, специально рассмотрел весьма примечательный список языческих божеств, которых разрешалось назначать наследниками в нарушение общего принципа, запрещающего это делать<sup>9</sup>. Почти все упомянутые храмы были разрушены готами в начале 60-х годов III в., однако не только это, но и время расцвета соответствующих культов указывает на принадлежность данного отрывка к периоду от Коммоды до Каракаллы. О датировке памятника в целом временем не позднее правления Каракаллы свидетельствует, по мнению Шенбауэра, и очевидная несовместимость предполагаемых последствий *constitutio Antoniniana* с различием *cives*, *Latini* и *peregrini*, последовательно проводимым в значительной части *Tituli*. Вместе с тем, Шенбауэр утверждал, что известная нам версия памятника носит следы целых трех редакций: сначала какой-то неизвестный автор III в. опубликовал сочинение, ходившее впоследствии под именем «Книги правил» Ульпиана; затем на его основе другой неизвестный автор, используя также «Институции» Гая и некоторые другие тексты римских юристов классической эпохи, составил то, что можно назвать *Epitome Ulpiani*; наконец, третий анонимный юрист в IV в. сделал выдержки из последней, внося некоторые изменения с учетом константиновского законодательства. Ф. Виакер в своих «*Textstufen klassischer Juristen*» (1960) отверг громоздкую реконструкцию Шенбауэра, настаивая на точке зрения Шульца и подкрепив ее своей теорией о замене свитка кодексом на рубеже III и IV вв.<sup>10</sup>

Помощь в решении вопроса об авторстве Ульпиана пришла с несколько неожиданной стороны – в дело вмешалась вычислительная техника, нашедшая себе применение также и в области критики источников римского права. В опубликованной в 1968 г. заметке о проведении количественного анализа текстов с помощью компьютера сообщил Л. Мюллер из Института римского права в Кельне. В задачу исследования входило сравнение стиля Ульпиана со стилем Гая. В том, что касается *Tituli*, с большой долей вероятности был сделан вывод об авторстве Ульпиана, поскольку обнаружилось большое сходство в грамматических конструкциях и стилистических особенностях между *Tituli* и содержащимися в Дигестах отрывками из ульпиановского комментария к эдикту, тогда как в «Институциях» Гая стиль и построение речи оказались совершенно иными. Появившаяся в 1970 г. в редком специальном издании статья Мюллера с детальным описанием проведенного им количественного анализа<sup>11</sup> осталась малоизвестной, да и сам автор, видимо, в

<sup>9</sup> *Tit. Ulp. 22. 6: Deos heredes instituere non possumus praeter eos, quos senatus consulto constitutionibus principum institutum concessum est, sicuti Iovem Tarpeium, Apollinem Didymaeum Mileti, Martem in Gallia, Minervam Iliensem, Herculem Gaditanum, Dianam Efesiam, Matrem deorum Sipylenen, Nemesim quae Smyrnae colitur, et Caelestem Salinensem Carthaginis.*

<sup>10</sup> Заметим, что одним из основных аргументов в пользу преобладающей в современной историографии точки зрения о том, что Ульпиан никогда не писал никакой «Книги правил», считается соображение, что предполагаемый объем этого сочинения должен был далеко превосходить обычные размеры книги, написанной на свитке папируса, а переход к кодексу совершился уже в постклассическую эпоху, когда и получили распространение эпитомы и другие произведения подобного рода. На этом основании утверждается, что такое сочинение, как *liber singularis regularum*, могло появиться не ранее IV в. (см. *Guarino A. Storia del diritto romano*. 8 ed. Napoli, 1990. P. 550; ср. также *Cerami P., Corbino A., Metro A., Purpura G. Storia del diritto romano*. Profilo. 2 ed. Catanzaro, 1996. P. 298).

<sup>11</sup> У Мюллера речь шла прежде всего о сравнении средней длины предложения – 21,3 слова у Ульпиана и 25,2 у Гая – и о типах грамматических конструкций: так, например, в языке Гая отчетливо обнаруживается тенденция к завершению фразы глагольной формой, а в тексте *Tituli* этого не наблюдается. Кроме

дальнейшем оставил начатое дело. Меркольно, несмотря на то что результаты упомянутого количественного анализа подтверждают его собственную точку зрения об авторстве Ульпиана, все же считает необходимым заметить (с. 29), что сравнивать с помощью количественных методов следовало бы произведения одного жанра: по стилю изложения *Tituli* неизбежно значительно отличаются от сочинений чисто дидактической направленности, причем не только от «Институций» Гая, но и от «Институций» самого Ульпиана.

В современной юридической историографии при почти полном господстве идей Шульца мнение о том, что автором «Книги правил», в сокращенном виде содержащейся в *Tituli*, был все-таки Ульпиан, почти в одиночку отстаивает известный исследователь Гая голландский романист Г. Нельсон<sup>12</sup>. Его исследования отталкиваются от рассмотрения стиля произведений римских юристов в целом и в этом отношении противостоят уже давно делаемым попыткам дать лингвистическую характеристику отдельным авторам. Стиль римских юристов характеризуется Нельсоном как изобилующий стереотипными выражениями, довольно простой с точки зрения грамматики и синтаксиса, свободный от лингвистических изысков и лишней заметных личностных особенностей у отдельных авторов. Такой стиль стоял вне моды и мог вполне повторяться не только в сочинениях Гая, но и у других юристов, вплоть до составителей «Институций» Юстиниана, язык которых отличался от латыни классических юристов лишь использованием других технических терминов, а с лингвистической точки зрения был таким же. Вследствие этого отличить одного юриста от другого по языку оказывается в высшей степени трудно. Однако, замечает Меркольно, можно выявить различия между сочинениями разных жанров, каждый из которых отличается своими особенностями. Подчеркивая тесную связь стиля и жанра во всей латинской литературе и приводя примеры из сочинений Цицерона и Тацита об ораторском искусстве, Нельсон прослеживает различия в языке и стиле римских юристов в зависимости от жанра того или иного их произведения – например, сравнивая *Tit. Ulp. 26. 1–7* и *Gai. 3. 1–24*. Выступая за критический пересмотр методов выявления интерполяций на основе стилистического анализа, голландский ученый утверждает, что с помощью одних лингвистических критериев авторство Ульпиана для *Tituli* отрицать крайне трудно и сколь-нибудь убедительный результат может быть получен только в том случае, если будет доказано, что положения, содержащиеся в *Tituli*, входят в противоречие с нормами права, действовавшими во времена Ульпиана (а это, по его мнению, до сих пор не сделано).

Напротив, Д. Либс<sup>13</sup> предложил считать сохранившуюся в ватиканской рукописи *Tituli* в сокращенном виде «Книгу правил» сочинением неизвестного автора, созданным в Риме ранее 212 г. и распространившимся под именем Ульпиана в силу нелюбви древних к анонимам (*horro vacui*). К этой идее Меркольно высказывает свое скептическое отношение, считая малоубедительным предположение о том, что подделка такого рода могла быть изготовлена и пущена в оборот в Риме прямо «под носом» у Ульпиана, который в то время находился на вершине могущества и к тому же в самом расцвете творческих сил (с. 34). Со своей стороны Т. Онорэ<sup>14</sup> относит «Книгу правил» к подложным сочинениям, основывая этот свой вывод на результатах применения привычного для романистов структурного анализа. Он дополняет построение Шульца, опровергающее авторство Ульпиана, еще только одним моментом, постулируя, что к тексту приложил руку какой-то малозначительный юрист из окружения Павла, взявшийся переложить «Институции» Гая в облегченной форме и привести их материал в соответствие с требованиями своего времени. Суждения Онорэ о «Книге правил» как о скучном кратком учебнике, бесконечно далеком от рассмотрения занимавших Гая теоретических вопросов, Меркольно называет резкими и пренебрежительными (с. 34) и присоединяется к выводам Нельсона, оспаривающего мнения Либса и Онорэ и объясняющего особенности языка этого памятника спецификой жанра

---

информационной заметки (Iura. 1968. 19. P. 197 ss.) Меркольно ссылается на следующую статью: Müller. L'ordinateur et les textes de droit romain // Revue de l'organisation internationale pour l'étude des langues anciennes par ordinateur. 1970. 4. P. 65 suiv.

<sup>12</sup> Nelson H.L.W. Die Fachsprache der römischen Juristen. Eine stilistische Würdigung der Fachschriftstellerei der römischen Rechtsgelehrten // Actes de la XIIe Conférence internationale d'Études Classiques «Eirene». Cluj-Napoca 2–7 oct. 1972. București, 1975. S. 121 ff.; *idem*. Der Stil eines Kurzlehrbuches. Ulpiani liber singularum regularum // Der Stilbegriff in den Altertumswissenschaften. Rostock, 1993. S. 81 ff.

<sup>13</sup> Liebs D. Ulpiani Regulae – Zwei Pseudepigrapha // Romanitas – Christianitas. Festschrift J. Straub. B. – N.Y., 1982. S. 282 ff.

<sup>14</sup> Honoré T. Ulpian. Oxf., 1982. P. 107 ff.

краткого сборника юридических правил, предназначенного для заучивания наизусть (этими же Меркольно считает возможным объяснить присутствие в тексте значительного числа цитат из Законов XII Таблиц).

Столь детальное изложение историографической части рецензируемой книги может показаться излишним, однако оно по-своему отражает тот факт, что мы имеем дело с исследованием в жанре юридической историографии, а история римского права – это наука, опирающаяся на многовековую традицию, и умение современного автора найти в ней свое место является непременным условием научной работы.

Как уже ясно из всего сказанного, Меркольно полагает, что текст, сохранившийся под названием *Tituli ex corpore Ulpiani* в составе «галльского кодекса» X века, восходит к «Книге правил», автором которой действительно был Ульпиан. В последующих главах своей монографии неаполитанский романист детально излагает некоторые аргументы в подтверждение этого мнения, которое, напомним, противоречит точке зрения, господствующей в современной науке.

В небольшой по размеру третьей главе (с. 39–45) «Последующая рукописная традиция» автор анализирует немногочисленные фрагменты из «Книги правил» Ульпиана, приведенные не только в *Tituli*, но и в других источниках. Речь идет прежде всего о двух отрывках, которые не имеют параллелей в *Tituli*, поскольку они происходят из несохранившихся частей<sup>15</sup>, а также о тех фрагментах, которые присутствуют как в *Tituli*, так и в *Collatio legum Mosaicarum et Romanarum* или в *Дигестах* (*Tit. Ulp. 5. 6 = Coll. 6. 2. 1; Tit. Ulp. 26. 1 = Coll. 16. 4. 1; Tit. Ulp. 20. 6 = D. 22. 5. 17*). В результате сравнения Меркольно заключает, что рукопись, имевшая хождение в Галлии, передает фрагменты «Книги правил» Ульпиана гораздо точнее, чем другие источники, созданные на Востоке. Это находит соответствие в выводах Э. Вольтерра относительно «Сентенций» Павла, восточные и западные редакции которых демонстрируют похожие отличия. Таким образом, в отношении фрагментов Ульпиана западная рукописная традиция, представленная *Codex Vaticanus Reginae 1128*, оказывается более надежной и достоверной по сравнению с восточными – как позднеантичной, так и юстиниановской, в которые было внесено значительно большее число интерполяций.

Четвертая глава «Предполагаемая переработка Гая» (с. 49–87) посвящена сопоставлению *Tituli* с «Институциями» Гая. Пожалуй, этот раздел занимает центральное место, что и неудивительно, ибо утверждение о том, что в основе *Tituli* лежит текст, в той или иной мере основывающийся на «Институциях», служит одним из важных аргументов против авторства Ульпиана. Меркольно считает, что несмотря на близкое сходство в композиции между *Tituli* и сочинением Гая, оба произведения вполне могли возникнуть независимо одно от другого, например, опираясь на общий источник, каковым могла быть система Квинта Муция Сцеволы Понтифика (ок. 140–82 гг. до н.э.). Кроме того, такую же структуру имели и другие известные нам книги «Правил», принадлежавшие перу Нерация, Павла и Модестина. С другой стороны, между *Tituli* и «Институциями» Гая существуют значительные различия в изложении отдельных институтов права. К тому же в *Tituli* есть пассажи, не имеющие ничего общего с Гаем, но зато находящие себе аналогии в других произведениях Ульпиана. По мнению Меркольно, сходство общей структуры между *Tituli* и «Институциями» Гая ограничивается общим порядком рассмотрения тем, хотя и здесь нет полного совпадения (с. 51). А детальное рассмотрение параллельно воспроизведенных в рецензируемой книге отрывков из обоих сочинений, призванных своей наглядностью подкрепить анализ автора, показывает, что сходство объясняется общностью предмета рассмотрения, в то время как весьма существенные различия в стиле изложения – жанровой принадлежностью обоих произведений. В то время как в «Институциях» присутствуют исторические экскурсы, теоретические рассуждения и упоминания о спорах и расхождениях во мнениях между отдельными юристами и школами, «Книга правил», нацеленная на практическое применение, а не на изучение науки права, написана более простым, сжатым и внятным языком, давая формулировки, пригодные для запоминания наизусть. На основании этих жанровых и стилистических особенностей опровергать подлинность *Tituli ex corpore Ulpiani* нельзя (с. 87).

В пятой главе «Сравнительный анализ текста с литературным наследием Ульпиана»

<sup>15</sup> Текст *Tituli* обрывается на рассмотрении вопроса о наследовании без завещания, и поскольку сходство структуры частично сохраненного в ватиканской рукописи памятника с композицией «Институций» Гая не вызывает сомнения, очевидно, что отрывки, в которых речь шла об *iniuria atrox* (*Coll. 2.2.1*) и о классификации исков (*D. 44.7.25*), относились соответственно к двум последним – по порядку, установленному Гаем, – темам: обязательствам и искам.

(с. 91–97) Меркольно следует тому же методу, что и в предыдущей главе, рассматривая те части *Tituli*, которые обнаруживают сходство не только с «Институциями» Гая, но и с другими произведениями Ульпиана<sup>16</sup>, а также те фрагменты, которые не находят параллелей у Гая, но имеют их у Ульпиана<sup>17</sup>. При этом Меркольно показывает, насколько положения, зафиксированные в *Tituli*, созвучны тем, что приводятся в других, более развернутых и специальных сочинениях Ульпиана.

В последней, шестой главе книги (с. 101–105), названной «В поисках похожего произведения: *Liber singularis regularum* Ульпиана», автор формулирует свои основные выводы. В то время, как в других произведениях Ульпиана отдельные вопросы римского права рассматриваются в значительно более углубленной и развернутой форме, он вполне мог изложить свои положения сжато и кратко в сочинении, предназначенном стать практическим руководством и не требовавшим большого времени для запоминания и усвоения. Такая «Книга правил» превосходно вписывалась в рамки жанра *Regulae*, существование которого уже в классическую эпоху не подвергается сомнению. Меркольно видит в появлении *Liber singularis regularum* Ульпиана отражение определенной метаморфозы в функционировании правовой литературы, вызванной бюрократизацией юристов. В эпоху Александра Севера многие желали научиться тому, как подняться по ступеням имперской карьеры, пользуясь в том числе и специальными знаниями в области права, а для этого были весьма полезны краткие изложения основных правил римского частного права. Произведение именно такого жанра и сохранилось частично в *Tituli ex corpore Ulpiani*. Да и для самого Ульпиана именно изучение римского права открыло путь к блестящим вершинам карьеры имперского чиновника – должностям префекта анноны и префекта претория (с. 103 сл.).

В заключение остается только заметить, что Феличе Меркольно удалось написать весьма полезную и познавательную книгу, которая дает представление о высочайшем уровне исследований в современной итальянской романистике. Аргументы, приведенные им в защиту того, что Ульпиан действительно написал «Книгу правил», частично сохранившуюся в рукописи *Tituli ex corpore Ulpiani*, заслуживают самого серьезного внимания. При этом необходимо заметить, что привлечение им соображений общ исторического порядка о влиянии изменений в социальном составе правящего слоя Римской империи в эпоху Северов на жанры юридической литературы, как представляется, весьма перспективно для разрешения спора об авторстве Ульпиана. Нельзя не быть признательными автору рецензируемой книги за то, что он вновь привлек внимание всех интересующихся историей римского права к источнику, который часто цитируется, но сам по себе изучен явно недостаточно.

Е.В. Ляпустина

<sup>16</sup> *Tit. Ulp.* 11.3 сравнивается с *Gai.* 1. 155 и *D.* 26.4.3 *pr.*(= *Ulp.* 38 *ad Sab.*), *Tit. Ulp.* 11.23 – с *Gai.* 1. 182 и *D.*26.2.11.1 (= *Ulp.* 37 *ad Sab.*)

<sup>17</sup> *Tit. Ulp.* 2.3 сопоставляется с *D.* 40.7.2 *pr.*(= *Ulp.* 4 *ad Sab.*), *Tit. Ulp.* 2.5 – с *D.* 40.7.3. 1 (= *Ulp.* 27 *ad Sab.*) и т.д.